

Чу Циюнь почувствовал, что что-то не так, и, идя с ним, спросил:

— Ты что-нибудь сказал мастеру?

— Правда всё равно выплывет наружу, так что лучше признайся, — ответил Лу Цзыжун, явно уже всё рассказавший.

— Ах ты...

Чу Циюнь был разочарован. Подойдя к двери мастера, он сначала собрался с мыслями, перебрал все возможные оправдания и, наконец, с поклоном осторожно переступил порог.

— Мастер.

— Ты всё-таки вернулся?

Даос Цанъян, не поворачиваясь к нему, продолжал медитацию.

Даже несмотря на то, что даос Цанъян всегда был снисходителен, он не мог позволить Чу Циюню так безответственно поступать. Сяо Юйшань был императором, и если бы с ним что-то случилось во время пребывания в храме Сюйхэ, все ученики оказались бы в опасности.

Чу Циюнь, видя это, понял, что мастер рассержен, и поспешно поклонился, признавая свою ошибку:

— Я был неосторожен.

— Не стоит признавать ошибки, если в сердце ты думаешь иначе.

Одним предложением даос Цанъян разоблачил истинные мысли Чу Циюня.

Хотя мастер не был по-настоящему зол, в его словах явно звучал упрёк. Чу Циюнь, как бы он ни был эксцентричен, всегда уважал своего учителя. Поэтому он проглотил все приготовленные оправдания и, нахмурившись, промолчал.

— Иди на платформу Цинхуа и встань на колени, чтобы обдумать свои поступки.

Даос Цанъян тяжело вздохнул, словно в его сердце было много невысказанных мыслей.

Платформа Цинхуа была местом, где ученики храма Сюйхэ занимались боевыми искусствами. Чу Циюнь, получив наказание, оказался там как раз в то время, когда ученики заканчивали утренние занятия. Его коленопреклонение увидели не только старшие ученики, но и младшие.

Чу Циюнь был последним учеником даоса Цанъяна, и с самого детства, когда он пришёл в храм, мастер всегда относился к нему с особой заботой. За все эти годы его не только ни разу не наказывали, но и редко ругали.

Когда-то Чу Циюнь даже поранил лицо наследного принца Великой Янь, и мастер, защищая его, заявил, что это было необходимо, чтобы помочь принцу избежать беды. Благодаря этому Чу Циюнь получил прозвище «Сужденный благодетель».

Но сейчас даос Цанъян, не заботясь о репутации Чу Циюня, приказал ему стоять на коленях перед всеми учениками, что говорило о его сильном гневе.

Даос Цанъян ранее запретил упоминать о подмене, и если кто-то нарушит этот запрет, независимо от статуса, он будет строго наказан. Поэтому те, кто знал о случившемся, считали Чу Циюня слишком дерзким, а те, кто не знал, шептались, пытаясь выяснить причину наказания.

Чу Циюнь игнорировал сплетни и взгляды, стоя на коленях в углу платформы Цинхуа. Его лицо было спокойным, как у статуи, и никто не мог понять, о чём он думал.

— Все, идите заниматься!

К счастью, старший ученик вовремя пришёл и разогнал толпу, немного облегчив положение Чу Циюня.

Вскоре утренний ветер стих, и последние следы прохлады исчезли под палящим солнцем. Чу Циюнь стоял на коленях под открытым небом, и вскоре его одежда промокла от пота.

Лу Цзыжун, наблюдая издали, чувствовал себя виноватым, боясь, что его маленький учитель пострадает от жары. Недолго думая, он поспешил к императору, чтобы попросить за него.

Грубая каменная плита под коленями Чу Циюня причиняла боль, и через некоторое время он почувствовал онемение и боль, вероятно, уже появились синяки.

— Встань.

Вдруг раздался голос. Сяо Юйшань, подойдя к нему, лишь произнёс эти короткие слова.

Чу Циюнь не шелохнулся:

— Я должен уважать своего учителя, поэтому не могу встать.

— Я император, и ты должен быть верен мне.

Сяо Юйшань слегка повысил голос, словно оказывая давление, но на самом деле проявляя заботу.

— Не беспокойся о даосе Цанъяне.

— Не нужно. Если я совершил ошибку, я должен понести наказание.

Чу Циюнь чувствовал себя виноватым перед мастером, ведь именно из-за него ситуация стала такой.

— Тогда я тоже должен быть наказан.

Сяо Юйшань сказал это и сел на каменную скамейку неподалёку, также под палящим солнцем.

Чу Циюнь, видя это, поспешно начал уговаривать его:

— Ваше Величество, вы — повелитель, как можете быть наказаны наравне с простолюдином?

— Неправильно.

Сяо Юйшань, не вставая, ответил:

— Разве даос Чу не знает, что даже император равен перед законом?

Чу Циюнь, обычно искусный в спорах, на этот раз сдался и тихо сказал:

— Просто вернитесь, а то ваша нежная кожа пострадает от солнца.

— Почему ты можешь терпеть солнце, а я нет? Ты ведь тоже не железный.

Сяо Юйшань встал и снова подошёл к Чу Циюню.

— Встань.

— Я совершил ошибку.

Упорствовал Чу Циюнь, чувствуя вину перед мастером.

Сяо Юйшань ответил:

— Это я первым захотел уйти.

Чу Циюнь парировал:

— Но это я первым подал вам эту идею.

Сяо Юйшань продолжил:

— Это я был неустойчив в своих мыслях.

Чу Циюнь возразил:

— Это я заставил вас колебаться.

— Хорошо, пусть это будет моя ошибка.

Наконец Сяо Юйшань понял, что Чу Циюнь специально спорит с ним, и не мог не улыбнуться. Даже в такой ситуации Чу Циюнь оставался собой.

Чу Циюнь, поняв, что Сяо Юйшань раскусил его, улыбнулся и сказал:

— Раз всё прояснилось, и это моя ошибка, вы можете вернуться.

— Ты снова ошибаешься. Если это твоя ошибка, я тем более не могу уйти.

Сяо Юйшань снова сел, улыбаясь под палящим солнцем.

— Чу Циюнь, мы разделим трудности вместе.

Вскоре слух о том, что император пришёл на платформу Цинхуа, распространился по храму Сюйхэ. Даос Цанъян, казалось, ожидал этого и, вздохнув, лично пришёл, чтобы проводить Сяо Юйшаня.

Сяо Юйшань, увидев его, не стал выставлять себя императором и, встав со скамейки, сказал:

— Старый мастер, Чу Циюнь уже наказан. Давайте на этом остановимся.

— Я подчиняюсь приказу Вашего Величества.

Даос Цанъян сначала поклонился, а затем приказал Чу Циюню встать.

Чу Циюнь, наконец, поднялся с земли. После двух часов на коленях его ноги онемели, и он чуть не упал. Сяо Юйшань, быстро среагировав, поддержал его, как будто это было естественно:

— Будь осторожен, даос Чу.

Подумайте только, как император мог лично поддержать маленького даоса? Чу Циюнь, боясь, что это вызовет подозрения, отступил на полшага и, поклонившись, украдкой посмотрел на Сяо Юйшаня:

— Благодарю Ваше Величество.

Неизвестно, не заметил ли Сяо Юйшань этого или просто не придавал значения, но он продолжил говорить с даосом Цанъяном:

— Чу Циюнь — мой «Сужденный благодетель», и он должен пользоваться таким же уважением, как и я. В будущем, старый мастер, если вы будете наказывать его, пожалуйста, учитывайте его положение и престиж императорской семьи.

Эти слова были явным давлением на храм Сюйхэ. Сяо Юйшань, вероятно, боялся, что после этого Чу Циюнь потеряет лицо в храме. Все даосы, услышав это, поклонились, выражая согласие, и даже даос Цанъян не избежал этого.

Сяо Юйшань, зная меру, лично подошёл, чтобы помочь даосу Цанъяну подняться, и снова улыбнулся:

— Старый мастер, зачем вам так кланяться? Я просто сказал это мимоходом.

Было ли это сказано мимоходом, все присутствующие понимали. То, что император сказал это так явно, показывало, насколько важен Чу Циюнь.

— Маленький учитель, у тебя есть поддержка императора, как же ты великолепен!

На самом деле, Сяо Юйшань пришёл на платформу Цинхуа по просьбе Лу Цзыжуна.

Лу Цзыжун сначала сомневался, боясь, что император проигнорирует его просьбу и оставит Чу Циюня под палящим солнцем. Однако, едва услышав его слова, император поспешил на платформу Цинхуа, даже не взяв с собой охрану.

— Как это называется, по-умному?

Лу Цзыжун, доставая бутылку лекарственной настойки, нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Лиса, прикрывающаяся тигром!

— Ах ты, паршивец!

Чу Циюнь шлёпнул его по голове, раздражённо сказав:

— Это оскорбительное выражение. Где ты учился?

Лу Цзыжун, испугавшись, прикрыл рот и осторожно спросил:

— Это правда плохо?

— Если ещё раз такое скажешь, заставлю тебя переписать книги сотню раз, чтобы запомнил.

Чу Циюнь знал, что Лу Цзыжун не любил читать, и его использование идиомы не было злым умыслом, поэтому просто пригрозил, не сердясь.

— Только так ты научишься.

[Перевод имён собственных и названий:

Лу Цзыжун, Сяо Юйшань, Сужденный благодетель, Великая Янь, Чу Циюнь, даос Цанъян, храм Суйхэ]

<http://bllate.org/book/16210/1455431>